

Т.И. Царегородцева

«И МИГА В ЖИЗНИ НЕ БЫЛО ЧУДЕСНЕЙ...»
(Стихотворения А.Несмелова «Прикосновения»)

Была похожа на тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец греб,
И весла мерно опускались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвездная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.

Слепой фонарь качался на корме, -
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...
Крутились волны, и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.

И показалось мне, что не меня,
В мерцании бессильного огня,
На берег, на неведомую сушу –
Влечёт гребец безмолвный, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несёт, а душу.

И позабыв о злобе и борьбе,
Я нежно помнил только о тебе,
Оставленной, живущей в мире светлом.
И глаз касалась узкая ладонь,
И вспыхивал и вздрагивал огонь,
И пену с волн на борт бросало ветром...

Клинком звенящим сердце обнажив,
Я, вздрагивая, понял, что я жив,
И мига в жизни не было чудесней.
Фонарь кидал, шатаясь, в волны – медь...
Я взял весло, мне захотелось петь,
И я запел...И ветер вторил песне [1].

Арсений Иванович Несмелов (настоящая фамилия Митропольский) является, безусловно, самым талантливым представителем восточной ветви русской литературной эмиграции. Поэт переломной исторической эпохи, он отразил в своем творчестве важные вехи своей биографии и биографии России – Первую мировую войну, революцию и гражданскую войну. Одной из главных тем его лирики стала участь изгнанника. Этой теме посвящено и стихотворение «Прикосновения» (сборник «Без России»). В нем Несмелов воплотил свое восприятие горькой судьбы эмигранта через систему образов и мотивов смерти. Очевидно, что в этом стихотворении поэт рассматривает эмиграцию в контексте ан-

тичной мифологии. В рассказе «За рекой», где данный лирический сюжет был преобразован в повествовательную форму, автор прямо указывает на этот контекст:

«Еще раз полыхнула зарница. Еще и еще. В их красных вспышках Мокринский увидел лодку, в которой плыл, как бы со стороны. Вот плывет она по этой черной, красным отблескивающей дали, и сидят в ней двое – Степан Петрович Мокринский, бывший колчаковский офицер-пулеметчик, и капеллеватый унтер Мокей Митрич Сазонов. А кругом них чужая страна. И гроза надвигается. И чего они ищут на том берегу, что им там надо? Может быть, все это только чей-то сон. Нет ни Мокринского, ни Сазонова, ни реки Сунгари. Есть мрачный Стикс, есть две области – мертвых и живых. И есть угрюмый Харон, везущий в Аид души двух российских беженцев».

Представленная в рассказе антитеза двух миров – мертвых и живых – лежит и в основе композиции стихотворения Несмелова «Прикосновения». Атрибутами мира мертвых являются здесь «беззвездная ночь», «безысходная тьма», «лодка», похожая на гроб, «безмолвный гребец», влекущий человеческую душу. Этому миру в стихотворении неявно противопоставлен «мир светлый», черты которого не раскрываются поэтом, но есть одна очень важная его характеристика – в нем осталась «живущая».

Стихотворение «Прикосновения» состоит из пяти строф, в которых последовательно изображается смена лирического настроения героя-изгнанника. В первых двух строфах описано его видение переправы через китайскую реку: он заворочен происходящим – «мерным» погружением весел в воду, течением реки, ходом облаков, «медленным» поскрипыванием днища. Лирический герой как бы не принадлежит себе, а подчиняется чужой воле «безмолвного гребца», и это его состояние передается через метафорический образ фонаря. Несмелов наделяет его рядом эпитетов со схожей семантикой: фонарь «слепой», его свет – «дрожащий», «беспомощный», «нищий», «бессильный». Между тем, «фонарь» назван поэтом «живой точкой в безысходной тьме». Его слабый свет все-таки сопротивляется тьме. Если вновь обратиться к культурному контексту, то невольно возникает мысль о том, что в данном стихотворении «фонарь» служит своеобразным эквивалентом солнца, символизирующим, как известно, в мировой

Татьяна Ивановна Царегородцева – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета.

культурной традиции активное, деятельное, созидательное, светлое мужское начало. В мифологии различных народов существует оппозиция «солнце – вода», где вода, в свою очередь, является символом пассивного, иррационального, стихийного, темного женского начала. Водный фон в стихотворении Несмелова, окружающая лирического героя тьма означают, вероятно, угрозу пассивного, безвольного его существования в мире мертвых - эмиграции.

В третьей строфе стихотворения происходит перелом в настроении лирического героя, и он обозначен прежде всего перебоем ритма в начале первой строки – «мерный» ритм предыдущих строф, где каждый стих начинался с ямбической стопы, оказался разрушен неожиданным появлением пиррихия. Слово «показалось», в котором появилась облегченная от удара стопа, означает освобождение лирического героя от чужой воли. Он уже не просто «беспомощный» наблюдатель, не только фиксирует происходящее с ним органами чувств, но и становится способным понять его истинный смысл. Внутреннему зрению изгнанника открывается настоящая картина: переправа «на неведомую сушу» означает его духовную смерть. Не случайно именно в эту строфу автор вводит образ «шаткой водяной межи» - это грань, за которой наступает полное духовное бессилие, безволие, отсутствие жизни.

В четвертой и пятой строфах стихотворения можно заметить резкую перемену в состоянии лирического героя, и она опять же выражена через символику фонаря: «И вспыхивал и вздрагивал огонь...», «Фонарь кидал, шатаясь, в волны – медь...». Как видим, здесь речь идет уже не о слабом сопротивлении окружающей тьме, а о сознательном, волевом акте – поединке с пространством смерти. Перемена в лирическом настроении связана с памятью лирического героя. Он признается: «И позабыв о злобе и борьбе, Я нежно помнил только о тебе, Оставленной, живущей в мире светлом». «Злоба» и желание «борьбы» – качества, связанные с прошлым лирического героя, бывшего воина, силою исторических обстоятельств ставшего изгнанником. Они, в конечном счете, неминуемо ведут его к духовной гибели. Напротив, отказ от прежних идеологических установок и признание иных ценностей открывают новую жизненную перспективу. К жизни лирического героя возвращает осознание того, что еще существует «мир светлый», в котором осталась «живущая».

Если мир мертвых – это мир эмиграции, то «мир светлый», мир живых – это мир, в котором осталась Россия. Это ее Несмелов называет «живущей», о ней он «нежно» помнит, сравнивая ее с возлюбленной женщиной [2]. Интересно, что признание России живой в целом не ха-

рактерно для эмигрантского самочувствия. В эмигрантской литературной среде бытовал миф о России – «потонувшем корабле», ушедшей на дно Атлантиде. В поэзии и прозе европейской части русского литературного зарубежья (В. Набоков, Г. Иванов, Г. Адамович и др.) эмигрант часто назывался «тенью», сравнивался с мертвецом, находящимся в небытии. В стихотворении же Несмелова с лирическим героем не происходит слияния с миром мертвых. Светлые воспоминания о «живущей» России пробуждают его сердце («клинок звенящим сердце обнажив...»), герой обнаруживает в себе способность переживать иные, светлые чувства, он «вздрагивает», как от прикосновения любимой руки во время тяжкого забытья, и понимает, что жив. Лирический герой перестает быть пассивным пассажиром лодки, управляемой «безмолвным» перевозчиком; взяв весло, он берет в свои руки собственную судьбу. Теперь образ лирического героя сопровождает иная система символов. «Фонарь» уже не «беспомощный и нищий», а способный яростно бороться с окружающей тьмой. Ходу «лодки» сопутствует «ветер» – символ движения, жизненного обновления. Герой испытывает потребность в творческом акте – «песне». «Чудесный миг» - это его возвращение к жизни, несмотря на невозможность дальнейшего активного участия в истории. Выход бывшего воина из истории обусловил в нем рождение поэта, способного теперь увидеть события недавнего прошлого как бы со стороны, отрехшись от прежней «злобы». Поэтому в стихотворении Несмелова «Прикосновения» и возникает тема памяти. Жизнь поэта-изгнанника представляет собой совокупность воспоминаний, именно в них залог ее непрерывности.

Примечания

1. Несмелов А. Без Москвы, без России. Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко, предисл. Е.В. Витковского. М.: Московский рабочий, 1990.

2. См. также стихотворение в сборнике «Без России» «Переходя границу», где есть схожий образ:

Ведь вы же женщина – о Родина! –
И, следовательно, к чему ж
Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча...